Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/BUAUAP
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)52

ЖАНР РАССКАЗА-ПРИТЧИ В ПРОЗЕ В.И. ДАЛЯ

© 2022 г. В.Ю. Даренский
Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Украина
Дата поступления статьи: 10 сентября 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 15 декабря 2021 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-144-161

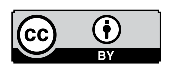
Аннотация: В статье обосновано определение жанра рассказов и повестей В.И. Даля как рассказа-притчи, несущего в себе поучение о законах человеческой жизни. В прозе В.И. Даля имеется и глубинное нравственное и экзистенциальное содержание, которое и является ее главной целью, а точная внешняя «физиогномика» человеческих типов, при всей ее самоценности, в конечном счете была средством, а не конечной целью. Жанровая специфика прозы В.И. Даля отражает его христианское мировоззрение, вполне идентичное народному мировоззрению и добавляющее к нему только элемент рефлексии и особого художественного дара писателя. Опровергается частое утверждение о том, что якобы охватывавшие всю народную жизнь «Картины из русского быта» В.И. Даля рассыпались на дробные зарисовки разрозненных эпизодов, не были пронизаны единой мыслью. На самом же деле эти «картины», хотя и крайне разнообразны по своей тематике в силу многообразия самой жизни, внутренне объединены. Каждая из этих историй несет в себе глубокий христианский смысл — в каждой из них происходит преодоление человеком своего греха или расплата за совершенный грех, а также покаяние и общее преображение и обновление души. Иногда показаны и богатырские черты народного характера. В рассказах-притчах В.И. Даля чаще всего есть и указание на внутреннюю сложность, диалектику жизни, всегда исполненную внутренних противоречий и непонятностей. В.И. Даль почувствовал потребность читателей в обновлении жанра притчи. Эта потребность была обусловлена тем, что читатель хотел сохранения жанров традиционной культуры (сказки и притчи), но в новой литературной форме.

Ключевые слова: В. Даль, проза, притча, мировоззрение, православие, Н. Чернышевский.

Информация об авторе: Виталий Юрьевич Даренский — доктор философских наук, профессор, Луганский государственный педагогический университет, ул. Оборонная, д. 2, 91011 г. Луганск, Украина.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2042-5527

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Для цитирования: *Даренский В.Ю.* Жанр рассказа-притчи в прозе В.И. Даля // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 144–161. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-144-161

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

THE GENRE OF THE STORY-PARABLES IN PROSE BY V.I. DAL

© 2022. Vitaliy Yu. Darensky
Lugansk state pedagogical university,
Lugansk, Ukraine
Received: September 10, 2021
Approved after reviewing: December 15, 2021
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article substantiates the definition of the genre of Dal's stories and novellas as a story-parable that carries a lesson about the laws of human life. In Dal's prose emphasis is not so much on the exact external "physiognomy" of human types, but on the deep moral and existential content that is revealed to the reader with their help. The genre specificity of Dal's prose reflects his Christian worldview, which is similar to the popular one and enriched with reflection and a special artistic gift of the writer. The author of the article demonstrates the reason for the inadequate perception of Dal's prose in N. Chernyshevsky's critical assessments. In addition, he refutes the frequent statement that Dal's "Pictures from Russian Life," which were to allegedly cover the entire national life, were scattered into fragmented sketches and were not permeated with a single thought. In fact, these "pictures," although extremely diverse in their subject matter due to the diversity of life itself, are internally clearly united in their general meaning. Dal selected bright stories, generally reflecting the general moral life of the Russian people from the most positive side. Each of these stories carries a deep Christian meaning: in each of them there is a person overcoming or paying his sin, as well as repentance and a general transfiguration and renewal of the soul. Sometimes he shows also the heroic features of the national character. In Dal's stories-parables an indication of the inner complexity, the dialectic of life, always full of internal contradictions and incomprehensibility, often appears. Dal was the author who accepted the need for updating the genre of the parable. This need was due to the fact that the reader wanted to preserve the genres of traditional culture (fairy tales and parables), but in a new literary form.
Keywords: V. Dal, prose, parable, worldview, Orthodoxy, N. Chernyshevsky.
Information about the author: Vitaliy Yu. Darensky, DSc in Philosophy, Professor, Lugansk State Pedagogical University, Oboronnaya 2, 91011 Lugansk, Ukraine. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2042-5527
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru
For citation: Darensky, V.Yu. "The Genre of the Story-Parables in Prose by V.I. Dal." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 144–161. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-144-161

Так вот вам, ребята, книжка, которая написана не спроста,
а с молитвою; в ней худа не найдете, а найдете одно добро...
В.И. Даль. «Солдатские досуги»

Традиционное, предложенное еще В.Г. Белинским определение жанра прозы В.И. Даля как физиологического очерка имеет метафорический и внешний, формальный характер, не указывая на специфическое содержание и цель этого жанра, отнюдь не сводится к отражению «физиогномики» социальных типов людей. В прозе В.И. Даля имеется и глубинное нравственное и экзистенциальное содержание, которое и является ее главной целью, а точная внешняя «физиогномика» человеческих типов, при всей ее самоценности, в конечном счете была средством, а не конечной целью. Целью данной статьи является обоснование определения жанра рассказов и повестей В.И. Даля как рассказа-притчи, несущего в себе поучение о повторяющихся закономерностях человеческой жизни, требующих закрепления в коллективной памяти.

Для того чтобы ярче оттенить это внутреннее содержание прозы В.И. Даля, не сводящееся лишь к точной физиогномике народных типов, стоит вспомнить «скандальные» оценки его творчества, в свое время данные Н.Г. Чернышевским. Рецензируя «Картины из русского быта» в статье в журнале «Современник» за 1861 г., кн. IV, отделе «Современное обозрение. Новые книги», он писал о В.И. Дале: «...из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности. В одной страничке очерков Успенского или рассказов из простонародной жизни Щедрина о народности собрано больше и о на-

роде сказано больше, чем во всех сочинениях г. Даля... г. Даль не понимает народного быта. Можно было сказать: повести эти написаны с претензиею на художественность, а художественного таланта у г. Даля нет, потому из повестей ничего и не выходит» [17, с. 983–984]. Г.И. Успенский и М.Е. Салтыков-Щедрин казались Н.Г. Чернышевскому более знающими народную жизнь, чем В.И. Даль, лишь потому, что они изображали ее так, как хотелось Н.Г. Чернышевскому, — как нечто темное и беспросветное. Никакого скрытого нравственно-религиозного смысла в народной жизни эти писатели-«прогрессисты» не видели, мировоззрение народа и его отношение к жизни им были непонятны. В.И. Даль же, наоборот, в первую очередь опирался на этот внутренний смысл, который ему был не только понятен, но и полностью им разделялся как свой. Это православное отношение к жизни — радостное, мудрое и умиротворенное, нисколько не зависящее от ее внешних тягот жизни.

Как известно, «подобное познается подобным», и поэтому именно В.И. Даль писал о народе «изнутри», а не как внешний наблюдатель (как Салтыков-Щедрин и др.). Н.В. Гоголь писал о нем: «Все у него правда и взято так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизанимательнейшая повесть. По мне он значительнее всех повествователей-изобретателей» [11, с. 424]. В свою очередь В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1844 году» отметил особенность прозы В.И. Даля следующим образом: «...многие черты вообще петербургской жизни и вообще русской жизни, верно подмеченные, удачно схваченные, множество фигур, искусно обрисованных... всё это так занимательно, так полно жизни и истины, что от труда г. Луганского нельзя оторваться, не дочитав его до последней строки» [9, с. 210]. На фоне этих оценок очевидно, что приведенные выше оценки Н.Г. Чернышевского объясняются его сознательной враждой к мировоззрению В.И. Даля, вследствие чего он пытался дискредитировать его творчество такими более чем субъективными оценками.

Напомним развернутую характеристику творчества В.И. Даля из статьи В.Г. Белинского «Русская литература в 1845 году»: «...мы должны указать на “Денщика” В.И. Луганского как на одно из *капитальных* произ-

ведений русской литературы. В.И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников... В физиологических же очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, то есть не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине. “Колбасники и бородачи”, “Дворник” и “Денщик” — образцовые произведения в своем роде, тайну которого так глубоко постиг В.И. Луганский. После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» [10, с. 26]. Как видим, здесь, кроме «физиологической» точности типов, критик писал также и об особой поэзии в этой прозе, о неком внутреннем, реально содержащемся в образах «идеале», а также о некой тайне, которой владел В.И. Даль. Все это ясно указывает на наличие особого внутреннего содержания в прозе В.И. Даля, никак не сводимого к одному лишь «физиологическому очерку».

О какой «тайне» идет речь? Б.М. Энгельгард писал, что «художник, постигший тайну творческого отображения быта, постиг высшую тайну искусства; отныне его творчеству нет предела, поскольку оно способно передавать индивидуальное в его внутренне необходимой значимости» [8, с. 125]. В.И. Даль относится как раз к тем писателям, которые «постигли тайну» художественного изображения русского быта. Но какова жанровая принадлежность текстов, которые постигают «тайну» народного быта на таком уровне, что усматривают в нем некие всеобщие законы человеческого бытия и нравственности? Такие тексты по своему типу относятся к притчам, поскольку «притча приравнивает быт к бытию» [1, с. 40]. Сам В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» толковал слово «притча» как «поучение в примере» [16, с. 446]. Именно такой главный смысл и несут в себе рассказы и повести В.И. Даля. Как отмечал Ю.П. Фесенко, «новаторская разработка литературной сказки в народном духе, а затем ее использование в качестве основы для русского физиологического очерка и сам очерк открывали надежные перспективы для реалистического освоения действительности» [7, с. 151]. Здесь указана важная преемственность между литературными обработками сказок, с которых и начинал В.И. Даль, и той прозой, которую он писал позднее. Сказка — это, по сути, развернутая притча, а притча — это сокращенная сказка. Сказка так же, как и научное мыш-

ление, занята обобщением и абстракцией; но если наука делает это в форме понятия и теории, то сказка — в форме типического образа и сюжета. Фантастичность образов сказки — это средство образного абстрагирования законов жизни. Затем уже в рамках физиологического очерка фантастический элемент почти исчезает и заменяется точной физиогномикой — но это лишь изменение изобразительных средств, а не цели повествования. Целью в обоих случаях остается притча.

Понятно, что для своего повествования В.И. Даль производил определенный отбор жизненных случаев, поскольку знал он их бесчисленное множество, но делал предметом рассказа далеко не все. Писатель сам четко сформулировал принципы творческого отбора материала и его изображения. По его словам, событие описывается им в том виде, «как было», но отбирается только в том случае, если оно «представляет цепь действий и последствий, составляющих одно стройное целое, основанное на чудном сплетении умственных способностей и нравственных качеств человека, на обычаях народных, местных; словом, если простой рассказ происшествия живописует нам человека, в смысле общем, и человека в значении частном; раба страстей, привычек и обычаев родины своей, того клочка земли, к которому <...> прирос <...> корнями духовными, незримыми и не менее глубокими» [13, с. 265]. Указание на то, что рассказ должен «представлять цепь действий и последствий, составляющих одно стройное целое», — это воспроизведение принципа из «Поэтики» Аристотеля; но уже то, что это целое, «основанное на чудном сплетении умственных способностей и нравственных качеств человека, на обычаях народных, местных», есть принцип, которого еще не знала классическая эстетика. К принципу притчи здесь относится указание на «чудное сплетение умственных способностей и нравственных качеств человека», которое «живописует нам человека, в смысле общем, и человека в значении частном», — это и есть смысл любой притчи: через конкретику частного случая наглядно передать общий закон человеческого бытия.

В.Г. Белинский охарактеризовал повесть «Денщик» как «одно из *капитальных* произведений русской литературы». «Капитальный» в буквальном переводе с латинского означает «главенствующий», т. е. основополагающий. Но что же здесь основополагается? Как было показано нами в статье, посвященной «Денщику», предметом изображения в этой

повести является этос русской народной культуры, сформированный православием. Главные принципы этого этоса таковы: 1) бескорыстие и честность; 2) сострадательность к людям; 3) восприятие всех событий жизни как нравственных поступков. Фундаментальным принципом этой культуры является универсальность и стойкость человека. Главный герой — простой денщик — показан как цельный и одновременно разносторонний человек, всегда готовый ко всему, к любым испытаниям, для которого нет ничего неожиданного [4]. Такой человеческий тип формируется православной верой и народной этикой. Из новых работ по данной теме можно выделить статью А.И. Байрамуковой «“Солдатские досуги” В.И. Даля: творческие доминанты автора» [3], в которой хорошо выделены основные смысловые компоненты прозы Даля, относящиеся к базовым нравственным категориям и роднящие ее с притчей.

В свою очередь, пример Н.Г. Чернышевского можно использовать для того, чтобы лучше понять, чего именно он не видит в прозе В.И. Даля, замечая только ее фабулу, но не различая внутреннего смысла сюжета и сути образов героев. «Берем, например, — пишет он, — рассказ № 1-й “Поверка”. В одном присутственном месте члены и секретарь брали деньги из казенного сундука на свои коммерческие обороты или на отдачу в проценты, и часто им случалось вкладывать в ящик ко дню поверки сумм деньги, занятые лишь на этот день у купцов, бывших заседателями в том же присутственном месте. Губернатор прослышал об этом, приехал ревизировать, запечатал казенный сундук и велел отнести его на хранение на гауптвахту. Купцы, помогавшие плутовству, остались в дураках. — Ну, что же из этого? Да ничего. Видно, что губернатор перехитрил своих подчиненных» [17, с. 984]. Н.Г. Чернышевский видит здесь лишь внешний сюжет, якобы не несущий в себе никакого смысла.

В действительности же в этом рассказе губернатор вовсе не стремился перехитрить своих подчиненных, но он лишь использовал хитрость для достижения совсем другой цели, которую Н.Г. Чернышевский вообще не видит. «Ему бы ничего не стоило, — говорится в рассказе, — как говорится, накрыть виновных мокрым рядном; он мог нагрянуть тотчас же с шумом и громом, как снег на голову… Он с намерением дал довольно большой срок, чтобы успели приготовиться и в особенности собрать и внести деньги. Дня за три он сказал наконец своим приближенным, что в такой-то день, часов в 10 утра,

хочет туда нагрянуть. Он знал положительно, что все это будет передано туда от слова до слова в тот же день, и потому спокойно выжидал назначенный им самим срок... Тогда, похвалив всех за исправность эту, в которой де он и никогда не сомневался, начальник пригласил всех присутствовавших приложить к сундуку свои печати, а равно приложил и свою собственную, и нашел более удобным, для избавления членов от значительной ответственности, особенно по недостатку особого караула, передать денежный сундук для хранения на главную гауптвахту. Начальник не поскучал обождать до исполнения на деле при нем же этого распоряжения. Вслед за тем казначей был уволен... Каким образом потом действительные и страдательные соучастники этой наличности между собой рассчитались — этого я не знаю» [12, с. 346–347].

Что означают описанные здесь особенности действий губернатора? Сразу понятно, что дело совсем не в том, что «губернатор перехитрил своих подчиненных», а в том, как и для чего он себя вел определенным образом. Безусловно, губернатор в первую очередь хотел достичь цели практической — прекратить финансовый беспорядок (от которого, впрочем, казне убытка все равно не было, т. е. он мог бы все и оставить так, как оно есть, а мог бы даже и потребовать себе некоторую мзду). Но губернатор, во-первых, оказался честным; во-вторых, мудрым воспитателем своих подчиненных; в-третьих, человечным — он старался как можно меньше огорчать своих подчиненных, выполняя столь неприятную для них проверочную функцию. Но для Н.Г. Чернышевского и других революционеров существование такого губернатора — это настоящая катастрофа с точки зрения их мировоззрения, в котором все губернаторы непременно должны быть взяточниками, «сатрапами» и угнетателями народа. И особенно для них здесь неприятно то, что В.И. Даль ведь никогда ничего не придумывал, писал с натуры, а значит, такой честный, мудрый и человечный губернатор действительно существовал в то время, и наверняка далеко не один. Вопреки распространенному ныне мифу, как показывают исторические исследования, в царской России был весьма низкий уровень коррупции — во всяком случае, не больший, чем в Европе, а на уровне крупных чиновников коррупция была редким исключением. В эпоху Николая I борьба с коррупцией была весьма успешной, во многом потому, что ею занимался сам император и крупных чиновников он назначал лично, всегда предварительно хорошо проверяя их репутацию.

Вместо разоблачительства, обличений и стенаний о «бедах России» в этом рассказе В.И. Даль дает образ реально существующего высокого чиновника, являющего собою яркий образец христианина во власти, который может быть примером для всех. Это и естественно, если мы понимаем мировоззрение В.И. Даля. Разоблачать и обличать может всякий, и для этого не нужно быть писателем. Но сделать то, что делает В.И. Даль в своей прозе, может далеко не каждый. Как отмечал Ю.П. Фесенко, В.И. Даль «акцентирует внимание на том, что объединяет, а не разъединяет людей» [7, с. 203]. Объединяет людей в данном случае христианская мораль и общая народная нравственность, воспитанная православием и одинаковая для всех — от царя до простого крестьянина. Поэтому история, изложенная в рассказе «Поверка», становится притчей — уроком мудрости для всех без исключения русских людей, независимо от статуса и положения. Иносказание в этой притче заключается в том, что мудрость, христианская доброта и смирение, проявленные в данной конкретной истории поверки, универсальны и служат образцом для подобного же поведения и во всех других ситуациях.

«Вот рассказ № 2-й. “Беглянка”, — пишет Н.Г. Чернышевский. — В какой-то турецкой деревне встретил г. Даль русскую избу, а в избе — русскую женщину. “Как ты попала сюда?” — спрашивает он женщину. Она отвечает: “Мой муж был мужик зажиточный; какой-то плут подговорил его бежать в Турцию, на дороге зарезал, овладел его деньгами, а меня заставил жить с собою вот здесь”. Ну, что же из этого? Ничего. Видно, что плуты бывают иногда очень плутоваты, а мужики поддаются их плутням» [17, с. 985].

Как и в предыдущем примере, «прогрессивный» критик полностью упускает из виду то, что несет в рассказе глубокий нравственный смысл. Муж, который погиб, поплатился за то, что захотел «на волю в Туречину, где нет ни некрутчины, ни податей; где винограда, меда и молока вволю, и где наши, русские, живут как в раю. Много он еще насказал мне, что там-де нет и работы, а все лежебоки и все от султана большое жалованье получают» [13, с. 132]. А убивший его и завладевший его женой человек, живя в Турции, проводил автора рассказа «поклонами и пожеланиями, помянув несколько раз Бога, без Которого, по его словам, ни до порога, и от Которого он желал мне и сам себе ждал, коли Его святая воля будет, всякого благополучия» [13, с. 133]. Возможно, в этих его словах была доля фарисейства, но, несомненно, они свидетельствуют и о том, что этот человек не совсем пропащий,

а скорее всего, также и кается в своем грехе, уповая на Бога. В этом рассказе мы видим сложную притчу, во многом предвосхищающую сложных героев Ф.М. Достоевского — во всяком случае, с точки зрения острого совмещения греха и покаяния в одном характере.

«Рассказ № 3-й. "Вор", — продолжает Н.Г. Чернышевский. — Богатый мужик, боясь воров, ходил по ночам осматривать клети и раз действительно наткнулся на вора. Вор принял его за человека, также пришедшего воровать. Они вошли в клеть вместе, и пока хозяин искал топора, чтобы пришибить вора, вор бросился на печеный хлеб, лежавший в клети, — он пошел воровать с голоду и не хотел ничего взять, кроме хлеба. Хозяин сжалился и, кроме печеного хлеба, подарил ему мешок муки. — Из этого рассказа выходит, что "вор — вору рознь, и что нельзя без суда присуждать всякого вора на осину"» [17, с. 985]. Здесь даже и не нужно обращаться подробнее к тексту рассказа — даже из пересказа критика виден его мощный смысл, показывающий душу православного народа и также во многом предвосхищающий Ф.М. Достоевского.

Далее критик пишет: «№ 4-й. "Сухая беда". Один чувашин побил другого, тот пожаловался; обидчика взяли в полицию и наказали, да вышло так, что наказали, вместо одного раза, три раза. Он ожесточился на человека, подвергнувшего его этому наказанию, и, чтобы отмстить ему по чувашскому обычаю, повесился у него на воротах. "Такой висельник известен у нас в народе под названием сухой беды; и, говорят, поныне еще чуваши в злобе своей грозят иногда друг другу тем, что сулят на двор сухую беду, то есть обещают один у другого на дворе удавиться"» [17, с. 985]. В этом маленьком рассказе дана притча о воздаянии за грех, причем в весьма своеобразной форме — через своего рода самопожертвование обиженного человека, который этим шагом пытался отомстить и из-за этого впал в еще больший грех самоубийства, подчинившись варварскому обычаю. Рассказ-притча говорит о том, что непрощенная обида и гордость всегда заводят человека в тупик и доводят его до погибели.

«№ 5-й. "Находка". Казак возвращался из французского похода домой с добычею: до 30 тыс. р. золотом было зашито у него в седельной подушке. На дороге износились у казака сапоги, а мелочь, бывшая в карманах, уже израсходовалась. Распарывать подушку казаку не хотелось, да и привык он в походе даром брать все, что попадется. Нагнал он в одиноком месте му-

жика, пригрозил ему саблей и велел снимать сапоги; мужик снял; казак слез с лошади и стал их напяливать. А мужик тем временем вскочил на лошадь, да и ускакал. Казак остался без денег, а мужик, ощупав золото в подушке, разбогател» [17, с. 985–986]. В этом рассказе даже из пересказанной фабулы хорошо виден его нравственный смысл — воздаяние за грех: это жизненная иллюстрация к известному положению «Не рой другому яму — сам в нее попадешь». Этот короткий рассказ — живая притча в чистом виде.

«№ 78, “Нога”. Карасубазарский драгунский полк вошел в село Сивый Кут. На базарной площади стояла толпа народа и смотрела в землю. Дело в том, что на площади рыли колодезь; во время работы земля обвалилась, выломив несколько плохих бревен сруба, и одним из этих бревен прижало работнику ногу так, что не было возможности высвободить ее. Полковой доктор и костоправ были люди отважные: спустились в колодезь, произвели там ампутацию; работника вытащили; он скоро выздоровел и теперь на деревянной ноге честно зарабатывает себе хлеб пилой» [17, с. 985]. Смысл этого рассказа также не требует особых разъяснений — это короткая, но, по сути, эпическая история о русской доблести. В качестве притчи (т. е. как иносказание о неком законе жизни) эта история показывает, во-первых, суть русской колонизации огромных пространств — как помощь живущим там народам (а не эксплуатацию их, свойственную империям Запада); во-вторых, она показывает, что чем труднее обстоятельства, тем ловчее человек.

«№ 88, “Подкидыш”. Жена бедного чиновника родила двойню. Потолковала, потолковала она с мужем и решила подкинуть их. Муж взял сначала одного из новорожденных и пошел подкидывать к откупщику. А к откупщику перед самым этим часом был уже подкинут другой ребенок, и в доме держали ухо востро. Чиновника подстерегли, обыскали, нашли, что он принес подкидывать ребенка, и заставили вприбавок к этому ребенку взять еще и другого, подкинутого раньше кем-то. Таким образом, бедной чиновнице вместо двух — пришлось кормить троих новорожденных. Но на принесенном чужом ребенке оказалась записочка с приложением ста рублей, а начальник, услышав о таком случае, дал чиновнику место, на котором жалованье было больше прежнего» [17, с. 986]. В этом рассказе-притче также совершенно очевидно, во-первых, воплощение жизненного закона «Не рой другому яму — сам в нее попадешь»; во-вторых, закон неизбежно-

го воздаяния за грех; а в-третьих, закон приумножения добра — как награда за добро. В рассказе происходит превращение грешников, которые хотели избавиться от детей, в подвижников, которые не только от них не избавились, но еще и принимают на воспитание чужого ребенка и за это получают помощь.

Кроме вышеизложенного о притчевых сюжетах рассказов, взятых из жизни, следует сказать, что эти смыслы глубже усваиваются читателем (если, конечно, он сам не закрывает сознательно на них глаза, как Н.Г. Чернышевский), потому что даются в ярком художественном повествовании, которое наглядно представляет нам эти события. В.И. Даль особенно талантлив в создании визуальных образов за счет точности и уместности деталей.

«Кажется, довольно, — пишет Н.Г. Чернышевский, — семь рассказов взяли мы на пробу, во всех оказалось одно и то же — г. Даль слышал анекдот, который показался ему интересен, взял да и пересказал его. Если в анекдоте не было никакого смысла, г. Даль не почел нужным вложить в него смысл; а если анекдот имел какой-нибудь смысл, то утратил его в пересказывании г. Даля» [17, с. 986]. Сказанного выше достаточно для того, чтобы утверждать обратное: В.И. Даль отобрал для своих рассказов жизненные истории хотя и яркие, но в целом отражающие нравственность и общий быт русского народа, как правило, с позитивной стороны. *Каждая из этих историй несет в себе глубокий христианский смысл — в каждой из них происходит преодоление человеком своего греха или расплата за совершенный грех, а также покаяние и общее преображение и обновление души.* Иногда показаны и особые «богатырские» черты народного характера. В свое время историк литературы В.И. Кулешов в книге о «натуральной школе» утверждал, что якобы «охватывавшие всю народную жизнь “Картины из русского быта” В. Даля рассыпались на дробные зарисовки разрозненных эпизодов, не были пронизаны единой мыслью» [5, с. 184–185]. Однако есть все основания утверждать, что это не так. На самом же деле эти «картины» хотя и крайне разнообразны по своей тематике в силу разнообразия самой жизни, но внутренне четко объединены по своему общему смыслу, который мы сформулировали выше.

Кроме того, у В.И. Даля есть рассказы, непосредственно основанные на «пасхальных мотивах», показывающих христианское мировоззрение народа, его нравственный мир [6]. Например, в рассказе «Прадедовские

ветлы» из «Картин русского быта» он пишет о Пасхе так: «Кажется, день этот, глядя на него со стороны, такой же, как и все дни; нет в нем никаких стихийных примет и отличек, а между тем, кому не кажется он, несмотря ни на какое ненастье, днем светлым, радостным и праздничным, которому в году нет ни ровни, ни дружки? А в крестьянском быту, в хорошей семье, и подавно: все заботы, все насущные труды и суеты покоятся; нет на душе ничего, кроме ясной и светлой радости; сброшены с плеч тяжелая, а с ним и черствая вещественность, нужда настоящая и забота о будущем. Бог дал дожить до светлого праздника — и на селе встречаешь одни только спокойные, радостные, беззаботные лица...» [14, с. 174]. Эта картина важна как контекст всех тех трагических историй, которые рассказывает В.И. Даль, — она показывает, что народ знает пути освобождения от греха и предчувствует райское бытие уже в опыте земной жизни.

Ю.М. Акутин и А.А. Ильин-Томич в свое время справедливо отметили, что у В.И. Даля «рассказ о жизненном случае кончается, но не кончается жизнь. И в конце произведений Даля обычно присутствует указание на это продолжение жизни за пределами повествования» [2, с. 13]. Видимо, этот же принцип можно распространить и на весь художественный мир В.И. Даля в целом — в нем всегда незримо присутствует на уровне религиозного мировоззрения и представление об идеальном бытии в Царствии Небесном, по отношению к которому эта земная жизнь мыслится как испытание и воспитание.

С другой стороны, в рассказах-притчах В.И. Даля чаще всего есть и указание на внутреннюю сложность, диалектику жизни, всегда исполненную внутренних противоречий и непонятностей. В качестве примера рассмотрим небольшой рассказ «Русак». Он начинается следующим рассуждением: «У немца на все струмент есть, говорит пословица, которая неоспоримо доказывает, что русский любит браться за дело как можно проще, без затейливых снарядов. *Бей русского — часы сделает*, — говорит другая, намекая на то, что нужда хитрее мудреца и что неволя учит и ума дает. Но коли тот, о ком идет речь, в нужде и часы сделает — верх премудрости человеческой, то, стало быть, у него догадливости и досужества станет на это, была бы нужда либо охота, воля или неволя; но как охота пуще неволи, то, надо быть, и ее иногда достаточно для подстрекания смышлености и догадливости нашего сметливого народа» [15, с. 385]. Эта старая поговорка

«охота пуще неволи» означает, что по свободной воле человек может сделать даже больше того, что делает только по необходимости. Внутренний импульс бывает сильнее внешнего. Исходя из этого, В.И. Даль в рассказе рассматривает ряд примеров удивительной сметливости русских, проявленных по своему желанию как пример свободы и избытка творческих сил. Видимо, в этом писатель видит залог того, что народ может в будущем выйти за рамки простой жизненной рутины в область свободного творчества. Из этих примеров самый простой такой: нужно было убрать огромный камень с дороги, и тогда один «мужик пошел, выкопал под камнем яму, подкопал, и свалил его туда, и засыпал землей. Все до того изумились, что не знали, посмеяться шутке этой и подтрунить над самими собой или уж лучше притвориться, будто никто ничего не видал...» [15, с. 389]. Таким образом, русская «сметливость» — это прежде всего способность решать сложные задачи самым простым способом.

В конце рассказа В.И. Даль размышляет: «Смышленостью и находчивостью неоспоримо может похвалиться народ наш; но надобно сознаться, что, кроме нескольких простых и превосходных древних изобретений, с которыми уже свыкся русский крестьянин, он не только мало склонен к новым, самобытным изобретениям, но вообще, по косности своей, даже не любит собственно для себя улучшений и нововведений подражательных; и это особенно относится до домашнего его быта и хозяйства. Зато он крайне понятлив и переимчив, если дело пойдет по промышленной и ремесленной части; но здесь четыре сваи, на которых стоит русский человек, — *авось, небось, ничего и как-нибудь*, — эти четыре сваи на плавучем материке оказываются слишком ненадежными; жаль, что они увязли глубоко и что их нельзя заменить другими» [15, с. 392]. Каков смысл слов «авось», «небось», «ничего» и «как-нибудь», употребляемых иногда русскими не в буквальном значении, а в качестве своего рода междометий, не имеющих прямых аналогов в европейских языках? Этот смысл связан с полаганием на судьбу и волю Божию и с особой надеждой на них. В нем скрывается с одной стороны, смирение и мудрость — не все в наших силах; а с другой — надежда на благой исход, которая многое говорит о характере народа. Таким образом, в этом коротком рассказе сразу несколько историй-притч («анекдотов», как их в то время называли) соединены и с философским рассуждением о народном характере. Такую структуру имеют

многие рассказы В.И. Даля — в них размышления автора органически включены в притчу.

Стоит также отметить, что к жанровым инновациям В.И. Даля полвека спустя обратился Л.Н. Толстой — многие его поздние рассказы также носят притчевый характер; кроме того, он занимался и литературной обработкой сказочных сюжетов. Это показывает, что В.И. Даль первым почувствовал потребность читателей в этих жанрах и объективные тенденции развития литературы в тот период. Эта потребность, видимо, была обусловлена тем, что читатель хотел сохранения жанров традиционной культуры (сказки и притчи), но в новой литературной форме. В свою очередь отметим и тот факт, что в конце XIX в. Вс. Гаршин, а затем и А.П. Чехов пишут рассказы, которые можно условно назвать «антипритчей». Суть его в том, что он не дает никаких поучений, но, наоборот, проблематизирует восприятие и понимание жизни. В конце такого рассказа подразумевается большой вопросительный знак, обращенный в будущее. Рассказы-«антипритчи» стали одним из знаковых явлений литературы XX в.

Краткое рассмотрение жанровой специфики прозы В.И. Даля позволяет сделать следующий обобщающий вывод. Христианское мировоззрение В.И. Даля было близко народному мировоззрению и добавляло к последнему только элемент рефлексии и художественного дара писателя. Этим обусловлена плодотворность его подхода к литературной обработке жизненных историй как типических сюжетов, несущих в себе философский смысл и нравственное поучение. Поэтому адекватным для определения этого жанра является понятие «рассказа-притчи», показывающее его внутреннюю логику и раскрываемые в нем смыслы. Разработка этого жанра является ценной жанровой инновацией В.И. Даля, отличной от традиционного «физиологического очерка».

Список литературы

Исследования

1 *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Гармония – цель – гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. М.: МИСиС, 1997. 132 с.

2 *Акутин Ю.М., Ильин-Томич А.А.* Владимир Даль — прозаик // *Даль В.И.* Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1983. С. 5–25.

3 *Байрамукова А.И.* «Солдатские досуги» В.И. Даля: творческие доминанты автора // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: ПГУ, 2011. С. 268–278.

4 *Даренский В.Ю.* Образ «Универсального человека» в рассказе В.И. Даля «Денщик (физиологический очерк)» // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 106–117.

5 *Кулешов В.И.* Натуральная школа в русской литературе XIX в.: учеб. пос. / 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. 224 с.

6 *Тарасов К.Г.* Пасхальные мотивы в творчестве В.И. Даля // Проблемы исторической поэтики. 1998. Т. 5. С. 295–302.

7 *Фесенко Ю.П.* Проза В.И. Даля: Творческая эволюция. Луганск; СПб.: Альма матер, 1999. 261 с.

8 *Энгельгардт Б.М.* Феноменология и теория словесности. М.: НЛО, 2005. 464 с.

Источники

9 *Белинский В.Г.* Русская литература в 1844 году // *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. VII: Статьи, рецензии и заметки. Декабрь 1843 – август 1845. С. 164–217.

10 *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. VIII: Статьи, рецензии и заметки. Сентябрь 1845 – март 1848. С. 5–34.

11 *Гоголь Н.В.* О Современнике // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8: Статьи. С. 419–494.

12 *Даль В.И.* Поверка // *Даль В.И.* Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1983. С. 343–348.

13 *Даль В.* Полн. собр. соч. СПб.; М.: Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1898. Т. 7: Повести и рассказы. 412 с.

14 *Даль В.И.* Прадедовские ветлы // *Даль В.И.* Картины из русского быта. М.: Новый Ключ, 2002. С. 170–184.

15 *Даль В.И.* Русак // *Даль В.И.* Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. М.; Л.: ГИХЛ, 1961. С. 383–392.

16 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 3. П. 544 с.

17 *Чернышевский Н.Г.* Картины из русского быта Владимира Даля // *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1950. Т. VII: Статьи и рецензии 1860–1861. С. 983–986.

References

1 Agranovich, S.Z., Samorukova, I.V. *Garmoniia – tsel' – garmoniia: Khudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi* [*Harmony – Goal – Harmony: Artistic Consciousness in the Mirror of the Parable*]. Moscow, MISiS Publ., 1997. 132 p. (In Russ.)

2 Akutin, Iu.M., Il'in-Tomich, A.A. "Vladimir Dal' — prozaik" ["Vladimir Dal' as the Prose Writer"]. Dal', V.I. *Povesti i rasskazy* [*Novellas and Stories*]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1983, pp. 5–25. (In Russ.)

3 Bairamukova, A.I. "'Soldatskie dosugi' V.I. Dalia: tvorcheskie dominanty avtora" ["'Soldier's Leisure' by V.I. Dal': the Author's Creative Dominants"]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [*Stereotyping and Creativity in the Text*]. Perm', PSU Publ., 2011, pp. 268–278. (In Russ.)

4 Darensky, V.Yu. "Obraz 'Universal'nogo cheloveka:' v rasskaze V.I. Dalia 'Denshchik (fiziologicheskii ocherk)'." ["The Image of the 'Universal Man' in V.I. Dal's Story 'Orderly (Physiological Essay)'."]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 45, 2017, pp. 106–117. (In Russ.)

5 Kuleshov, V.I. *Natural'naia shkola v russkoi literature XIX v.* [*Natural School in Russian Literature of the 19th Century*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 224 p. (In Russ.)

6 Tarasov, K.G. "Paskhal'nye motivy v tvorchestve V.I. Dalia" ["Easter Motifs in the Works by V.I. Dal'."]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 5, 1998, pp. 295–302. (In Russ.)

7 Fesenko, Iu.P. *Proza V.I. Dalia: Tvorcheskaia evoliutsiia* [*Prose of V.I. Dal': Creative Evolution*]. Lugansk, St. Petersburg, Alma mater Publ., 1999. 261 p. (In Russ.)

8 Engel'gardt, B.M. *Fenomenologiia i teoriia slovesnosti* [*Phenomenology and Theory of Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozreniie Publ., 2005. 464 p. (In Russ.)